

A detailed landscape painting of a medieval fortress, likely Dubrovnik's Sponza Palace, perched on a steep, rocky cliff. The fortress features multiple towers, including a prominent central one with a conical roof, and various stone buildings with blue-tiled roofs. The cliff is rugged and sparsely vegetated. In the background, a body of water and distant hills are visible under a sky with soft, pinkish clouds, suggesting a sunset or sunrise. The overall style is that of a classical oil painting.

18+

Владимир Мищенко
Брат за брата

Владимир Мищенко

Брат за брата

«Автор»

1997

Мищенко В.

Брат за брата / В. Мищенко — «Автор», 1997

Честность и честь - неотъемлемые атрибуты настоящего мужчины. " Сам погибай, а товарища выручай" - девиз настоящего героя. Эта книга о настоящих мужчинах, их жизни, приключениях и гибели.

© Мищенко В., 1997

© Автор, 1997

Владимир Мищенко

Брат за брата

Брат за брата.

1907 год. Сибирь. Губернский город. Дом губернатора, где на втором этаже живет губернатор со своим семейством, а на первом этаже в данный момент губернатор собственной персоной заслушивает доклад о положении дел за прошедшую седмицу.

– Ваше превосходительство, из срочного я доложил Вам все. Но в заключении, хотел бы предложить ознакомиться с прелюбопытными объяснениями городничего, представленные им по требованию господина судьи. Вот, извольте. Извините, Ваше превосходительство, уж больно подчёрк у него корявый, поэтому, с Вашего позволения, я коротко поясню суть данного рапорта. Появился на нашем базаре довольно странный азиат. Высокий худощавый. Носит восточную одежду. Так вот-с, начал этот господин народ мутить тем, что говорил якобы не пройдет и года, а, точнее, то летом следующего одна тысяча девятьсот восьмого года, нашей земле, но не только, как земле нашего императора-батюшки, а земле вообще, и всем людям, грозит смертельная опасность. Якобы летят к нам антихристы с мордами, простите, ужасными. Завоевать, пардон, хотят нас. Да, да, Ваше превосходительство, истинная правда. Все так здесь и написано.

– Ох, батюшка Лаврентий Лукич, знаю я, что Вы два года в семинарии учились и родом из славной христианской семьи. Весьма уважаю вашего родителя-отца Иоанна, но ...

– Ваше превосходительство! Простите, за ради Бога, что перебиваю, мне и самому поначалу смешно было. Но дослушайте до конца. Арестовали его, как смутьяна. Посадили в околоток. Там еще Ермошка – карманник сидел, тот, что на прошлой неделе у купца Трофимова кошель вынул, а потом прелюдно бит. Весь вечер в околотке околоточный с двумя своими осведомителями, простите, в карты резался. А среди ночи выяснилось, что этот господин исчез.

– Как это? Я бывал там. Там в камере даже окна нет и выход один. Пьянствовали, небось, сволочи.

– Никак нет-с. Сам господин судья вызывали их. И я их нюхал-с. Увы. Трезвы, как стеклышко.

– Не может быть. А что говорит Ермошка?

– Кимарнул трошки.

– Кимарнул? В смысле – спал?

– Так точно так, Ваше превосходительство.

– Пометь: разобраться тщетнейшим образом. Непонятно. А, что мне непонятно, того не люблю. Как бы чего не вышло. Откуда он, кстати, к нам прибыл?

– С его слов – с Тибета.

– Но это же не город. Откуда конкретнее?

– Не могу знать. Он при дознании упоминал какой-то или какую-то Калапу. Но город это или местность какая, не могу знать.

– Хорошо. Оставьте меня. Я хочу поразмышлять.

1924 год. Франция.

На одной из парижских улочек за столиком открытого летнего кафе по привычке собрались русские эмигранты. Делились последними сплетнями, теребили душу воспоминаниями о далекой Родине, читали газеты.

– Настенька, – обратился один из сидящих за столиком представительный, интеллигентного вида с уставшим лицом мужчина к своей собеседнице – симпатичной толстушке бальзаковского возраста, – представляете, Советы не теряют надежду разгадать тайну Тунгусского метеорита. А знаете, что и я косвенно связан с этим событием?

– Ну, те-с, что-то я не читала вашей фамилии в газетах. Вы же помните, что девичья фамилия моя Галицына. А все Галицыны отличаются любопытством. Может, просто старею, и память девичья становится. Забывать стала.

– Помилуйте. Я, конечно, отлично помню и вашего батюшку, и остальных ваших родственников. Но я за четыре года эмиграции довольно хорошо узнал и семью вашего нынешнего супруга – графа де Сен-жю. А уж там всегда были мастаки отпустить едкую, каверзную шутку. Это не в обиду вам сказано. Возвращаясь к нашим “пирогам”, отмечу: за полгода до этого события, а, если более точно, то в десятых числах декабря одна тысяча девятьсот седьмого года, я тогда еще губернаторствовал, посадили в околоток старика, который предсказал, что летом произойдет какая-то катастрофа. Хотя он предвещал нам прибытие чертей, а прилетел метеорит. Но кто знает, что имел в виду этот азиат.

– Так он из Азии был?

– Кх, я сам его не видел. Одет был в восточные одежды. Родом будто бы из страны Шамбалы, что где-то на Тибете или в Китае. Затрудняюсь сказать. Информации о нем было, если можно так сказать, вообще никакой. Да и забыли о нем вскоре. Но летним днем девятьсот восьмого года тридцатого числа я о нем вспомнил.

– Так что же вы его не допросили, коль в тюрьме он был?

– Был, да сплыл. Не улыбайтесь. Убежал паршивец. И так ловко, что четыре человека там были, да он сквозь них, как вода сквозь решето прошел и убежал. Да-с.

– Старик?

– Старик.

– Тогда понятно, почему царя – батюшку скинули. Какой порядок имел, от того порядка и поимел.

Конец 50-х годов XX столетия. США. Штат Флорида. Один из фешенебельных отелей.

На балконе номера люкс или, как сейчас говорят, VIP-номера в кресле – качалке сидел седовласый благородного вида мужчина. По возрасту, а на вид ему можно было дать лет семьдесят – восемьдесят, его, скорее всего, можно было бы назвать благородным старцем. И, хотя его кожа была довольно морщинистая и дряблая, что вполне соответствовало его возрасту, он был довольно бодр и энергичен. Где-то в глубине зала чуть слышно скрипнула дверь, и послышались неторопливые шаркающие шаги. Это был личный камердинер, служивший верою и правдой своему хозяину уже больше тридцати лет. Но на вид это был довольно “ветхий” старичок с манерами английского аристократа. Хотя аристократом он и не был, но англичанином был уже больше восьмидесяти лет, то есть с самого момента своего рождения.

– Сэр, леди просит вашей аудиенции.

– Леди!? – Слегка удивился мужчина, – молодая?

– Я бы сказал ...

– Бальзаковского возраста. – Улыбнувшись, уточнил он.

– Я бы сказал – несколько старше. – Тактично ответил камердинер.

– А как звать-величать сию девушку?

– Она просила передать: вдова графа Сен-жю. Графиня Анастасия, сэр. И еще она просила передать, что, возможно, вы ее помните по девичьей фамилии Галицына.

– Как же, как же, голубчик. Непременно. Зовите ее скорее сюда да подайте хорошего красного вина. Помнится, мне во Франции она отдавала предпочтение непременно красным винам. Ступайте.

– Да, сэр. – С этими словами камердинер кивнул и не спеша вышел.

О чем может быть разговор двух, мягко скажем, пожилых людей, которые не виделись более двадцати лет. Почти час ушел на припоминания – воспоминания общих знакомых да как проводили чудесно время в Париже и на морском побережье.

– Да, графиня, прекрасное было время и, честно говоря, со многими знаменательными датами я связан непосредственно или, хотя бы, косвенно.

– Ой, ли, Ваше превосходительство, помнится мне, в Париже я уже слышала подобную фразу.

– Разве? Припомните, матушка, что-то не помню.

– Как же, Ваше превосходительство, помните – вы мне рассказывали, как у вас из околотка старичок сбежал, а ваши держиморды, простите, его “проспали”.

– А-а-а, как же, как же. Но, мало того, хочу и могу вам еще кое-что поведать в этом же плане. Мой двоюродный племянник был толковым, шустрым мальчиком почти с пеленок. Он родился уже в эмиграции в Америке. Пробился, в основном, сам. Кое – где помог я. Но не это главное. Еще перед войной стал он работать одним из помощников одного, скажем так, губернатора. Собираются губернаторы как-то на закрытое заседание. Двери закрыты. Перед входом – охрана или, как сейчас называют, секьюрити. На лестнице две женщины моют стены. Все чин чинном. Но! Через какое-то время сенаторы буквально выбегают из зала и кричат- где он? где он? А кто он-то? Опущу подробности, но скажу суть: сидят они, то есть губернаторы, обсуждают свою политику, отношение к фашистской Германии, а тут открывается дверь и входит Отгадайте с двух раз!

– Неужели?

– Вот именно! Вот именно! По крайней мере, описание подходит до мельчайших подробностей. Я же тогда начальника тюрьмы с должности снял сгоряча. Хотя потом, правда, восстановил. Расследование было проведено тщательнейшим образом. И ничего. Как открыл дверь? Как прошел мимо? Фантастика! А ведь там и сокамерник был, и околоточный, и еще масса народу. Непостижимо. И здесь то же самое. Зашел, поговорил за мир, как сказали бы в Одессе, и вышел. И опя-ять его никто не видел, никто не впускал и никто не выпускал. Что вы об этом скажете?

– Что-то не читала я такого в газетах.

– Ха. Разумеется, матушка-графиня, кто же такой конфуз напечатает. Это тайна за семью печатями. Скандал!

–Что-то уж как-то необычно, Ваше превосходительство. Аж, как-то не верится даже.

– Верится, не верится, а было.

1900-е годы XX века. Где-то недалеко от Солнечной системы.

Огромный межгалактический корабль вынырнул из гиперпространства, и автоматика сразу же перевела его на плавное торможение. У командира судна всегда был чуткий сон и на этот раз он сразу же отреагировал на изменение режима полета и проснулся. Включив экран на стене, проанализировал обстановку. Как обычно, не спеша поднялся и пошел на пункт управления. Вахтенные офицеры, услышав шипение открываемой двери, оглянулись и, увидев капитана, шумно приветствовали его, издавая какое-то радостное на их языке рычание, помахивая головой и пристукивая хвостами. Да, все они, начиная с командира корабля, и, кончая обслуживающим персоналом, были похожи на небольших тираннозавров или на гигантских ящериц, стоящих на мощных задних лапах. Но головы и кожа имели свое характерное только для их планеты строение и оттенок. Вообще-то, рассматривать или, тем более гладить эту кожу, у любого нормального человека не возникало, если он, конечно, до этого не был “голубым”, поменявшим свой “пол” на женский и успевшим разочароваться даже в этом. Но таких неформалов было мало, а какие появлялись, то их становилось еще меньше по очень простой

причине: планета, на которой зародилась эта цивилизация, намного древнее нашей солнечной системы. Со временем, не смотря на довольно слабо развитый мозг, они смогли не только придумать, но и создать межгалактические корабли. По своему духу они были близки нашим спартанцам древней Эллады. Только в отличие от наших древних греков они своих ослабленных новорожденных, а равно, как и трусивших в бою воинов, не сбрасывали в пропасть, а съедали. Зачастую они проделывали это и с покоренными народами. Это были отличные боевые «машины». Умереть не в бою для них также позорно, как это было позорно у наших викингов. И вот несколько дивизий по земным меркам таких боевых машин неслось на этом корабле, чтобы поработить и присоединить к своей империи огромную, но настолько же и беззащитную планету Терра, которую аборигены называют трудным именем Земля. Это была уже вторая попытка. Первая состоялась много веков назад, когда на земле наряду с нами – обыкновенными людьми, еще существовали огромные трехметровые люди, о существовании которых мы знаем только из эпоса, где говорится о гигантах-циклопах. Но вот эти самые циклопы в свое время и приняли на себя основной удар внеземной цивилизации. Тиры, а именно так их называли древние люди, применяли на земле тактику выжженной земли. Большая часть Сибири, Китая, Японии была просто снесена с лица земли и погребена под водами океана. Тектоническое опускание земли довершило свое дело и скрыло развалины еще оставшихся и продолжавших бороться городов. Если хорошо изучить дно океана от Японии до Камчатки, то можно найти, как минимум, остатки двух городов, где жили трехметровые циклопы. А в Алтайском крае и кое-где в других областях огромной Сибири до сих пор «случайно» иногда погибают охотники, забредшие с умыслом или без оного туда, куда запрещают заходить легенды этого края. Те, кто принимают легенды за сказки, иногда понимают свою ошибку слишком поздно. Им помогают умирать воины тайных отрядов, охраняющие захоронения героев боев тех дней или местонахождения древних божеств, многие из которых попали к нам с территории древней Индии. Индия, пожалуй, единственная страна, где кровавая бойня тех лет описывается в различных религиозных трактатах. Изучая древнеиндийские рукописи, можно понять, что в этой битве землянам, очевидно, помогла какая-то другая тоже внеземная цивилизация, а может и земная, но существующая с нами в параллельном мире. Как бы то ни было и какой дорогой ценой не досталась землянам эта победа, но попытка покорить землю сорвалась. Остались некоторые «пяточки», где смогли закрепиться захватчики, но лишённые поддержки извне, и они вскоре исчезли. О власти жестоких звероящеров забыли. Сейчас по воле Господа Бога или, может, вмешался его величество случай, хотя и он тоже вмешивается по воле Бога, еще, когда корабль находился в гиперпространстве, на него поступило распоряжение отправить с челноком на Терру мобильный отряд для подготовки мест и точек вторжения, а самому кораблю изменить курс и следовать в соседнюю галактику для подавления мятежа на планете, где аборигены добывали антивещество для космического флота тиров. Чуть позже опять зашипела дверь, и в пульт управления вошел еще один воин.

– Вождь, что случилось? Я думал, что у нас еще есть время для отдыха, но мы изменили курс.

– Да, ты прав. И этим порадовал меня. Я лишний раз убедился, что ты один из лучших офицеров в моем отряде. Тхам, ты могучий воин. Я побывал с тобой не в одной передрыге и успел тебя узнать. Поэтому я решил поручить тебе командование мобильным отрядом, который подготовит места для посадки моего десанта. Этих точек должно быть не менее шести. Мы должны быстро и жестоко подавить всякое сопротивление этих жалких людишек. Ошибки прошлых лет исключаются. Но это будет чуть позже. У тебя будет времени примерно два махера, пока я занимаюсь этими прихвостнями аримасков. Ничего, придет срок, и до аримасков доберемся. Не люблю повторяться, но сделай все качественно. Пусть даже во вред времени. Иначе они, как тхузы, опять разбегутся по горам и лесам и ничем их оттуда не вытравить. Вступать в контакт с землянами запрещаю. Максимум скрытности. Всех кто вас увидит – уничтожать

безжалостно. Пусть это будет даже место площадью в мадзуху. Уничтожить, спрятаться и затаиться. Эти безмозглые земляне все равно не поймут и спишут все на землетрясение или еще что-нибудь. Это будет примерно также, как сообщает командир группы наблюдения. Наш челнок замаскирован большим слоем грунта, и эти ублюдки решили копать свои шахты в непосредственной близости от них. Пришлось несколько шахт взорвать. Эти тупицы вместо того, чтобы понять, что сюда нельзя, думают, что это взрывается газ метан. Копают. Их взрывают. Они заявляют – виноват метан и продолжают копать.

– Ха, вождь, я найду, что придумать. Я отобью им охоту приближаться ко мне. Меня они не увидят и обо мне не узнают.

– Я знаю это, поэтому тебя и посылаю.

От гигантской громадины космического корабля отделилась маленькая точка и медленно, со скоростью в несколько раз превышающей скорость света, стала удаляться от корабля. На дисплее челнока отразился всплеск энергии, и межгалактический корабль исчез в гиперпространстве, неся в своей утробе смерть миллионам аборигенов далекой соседней галактики.

– Воины! Я поздравляю вас с началом новой большой драки. Хотя на Терре нет достойных врагов, но принести в подарок нашему императору еще одну, к тому же огромную, планету, это большая честь для нас. Сейчас по земному летоисчислению конец одна тысяча девятьсот седьмого года. По моим расчетам мы прибудем на место летом следующего года. Это не совсем удобно для нас, поэтому мы дождемся осени, и, когда землю закроют дожди и туманы, мы возьмемся за работу. Дежурной смене принять посты. Остальным отдыхать.

+ + +

Я рад сообщить вам, что мы у цели. Начинаем входить в плотные слои атмосферы. Включить систему маскировки и подавления сигналов.

– Командир! Корабль вышел из-под контроля! Идет неконтролируемое увеличение скорости. Ядерная реакция вышла из-под контроля. Блок аварийного двигателя антиматерии вышел из строя. Ощущение, будто в нас попали из электронно – спонтанной пушки. Но ее на Терре нет! Это точно! Что делать, командир?!

– Корабль можно спасти?

– Нет. Командир, спасайся в аварийной капсуле. Возьми лучших воинов и спасайся. Быстрее! Температура резко увеличивается. Скоро будет взрыв. Торопись. Запас хода у нее не велик, но перелететь местный океан, я думаю, вы сможете. Летите или в Австралию, или на Американский материк.

– Мы уже в кабине. Включай.

– Прощай, командир.

+ + +

Взрыв Тунгусского метеорита, прозвучавший тридцатого июня одна тысяча девятьсот восьмого года, никого не оставил равнодушным. Многие видели последствия этого взрыва, но мало кто видел, как “обломок” того метеорита начал отдаляться по мере приближения к земле от тела “метеорита”, и, как взрывной волной этот осколок бросило на землю. И, скорее всего, никто не видел, как через несколько земных лет с места падения “обломка” поднялось огромное непонятное тело, умчалось на восток и скрылось за горизонтом океана в направлении американского материка. Еще через несколько лет в Сибири нашли останки древнего ящера. Эта находка подтвердила догадку ученых, что в Сибири когда-то было тепло. Да, действительно, когда-то в Сибири было тепло. Может даже росли бананы. Просто иногда наши находки подтверждают то, что мы хотим увидеть и подтвердить, а не то, что обозначают или о чем “говорят”

они сами. Что произошло с тем самым “обломком” – это тема для другого рассказа. Единственное, что я могу сказать, – оставшиеся в живых тиры успели подготовить несколько площадок для десанта, но со временем все они погибли, так и не дождавшись своего “звездного” часа. И всех их убили эти жалкие убогие безмозглые людишки, которые несколько сотен тысяч лет назад прятались от них, как тараканы по щелям, оставляя поле брани своим старшим и более могучим братьям. Поэтому и охраняются, как святыни, не разрушенные могилы этих воинов.

XXI век. Центральная Россия.

В Воронежском институте генетики за последние десять – пятнадцать лет видимых изменений не произошло. Как и раньше изредка местные светила уходили, кто на пенсию, а кто и на вечный покой. Освободившиеся места занимали более молодые, но, к сожалению, иногда и не более талантливые. Среди лаборантской братии текучесть кадров была побольше. Единственным исключением из этого являлась каста старших лаборантов. Сюда приходили, как правило, люди с “верхним” образованием, которые по каким-либо причинам или не смогли перепрыгнуть свою планку, или обладали умной головой, но не обладали соответствующими связями, или хотели просто тихо дожить до старости, довольствуясь мизерной зарплатой, но утешаясь наличием небольшой, но, все же, власти над N-ным количеством лаборантов. Кафедра, на которой я хотел бы заострить внимание, полностью вписывалась в эти рамки. Здесь мирно уживались даже два старших лаборанта. Сергей Петрович Назаров перебрался сюда лет восемь назад из соседней областной клинической больницы. Причин были две: первая – житейско-банальная, связанная с близостью квартиры. Вторая обусловлена тем, что в непосредственное его ведение попадал компьютер и другие приборы, позволявшие ему экспериментировать после работы. Старший лаборант Мария Аркадьевна Сергеева – слегка пухленькая милашка балзаковского возраста сразу сразила Сергея Петровича в первый же день своей работы. То, что они были коллеги и не зависели друг от друга ни материально, ни по командной линии, давало полную свободу старому холостяку. Даже наличие характерных морщинок вокруг глаз и на руках, свидетельствовавших о наличии, как минимум, сорока лет, а также наличие пятнадцатилетней дочки у Марии Аркадьевны, не могло охладить его любовный пыл. Компьютерный зал официально закрывался на час раньше конца рабочего дня, поэтому все лаборанты дожидались ухода своих шефов в одной комнате, где не теряя времени “гоняли” чай или кофе. Когда все простые лаборанты уходили, старшие лаборанты, как и положено, печатавали и сдавали под охрану кабинеты.

– Машенька Аркадьевна, если хотите я могу опечатать сегодня за вас двери. Я все равно еще немного посижу, поработаю.

– Спасибо, Сереженька, но я не тороплюсь.

– Машенька, у меня есть свежая идея и свеженький вопрос, которому от силы три тысячи лет, что вы делаете сегодня вечером? Если ваша дочурка занята уроками, то, может, сходим в бар?

– Сереженька, а как же ваши исследования. Вы, по-моему, хоть и догнали того английского бедолагу, которому не дали закончить разработку киборга, но еще не у цели. Поэтому трудитесь, трудитесь и еще раз трудитесь, как завещал товарищ Ленин.

– Все издеваетесь, Мария Аркадьевна. Ленин, к тому же, не говорил ничего подобного. Вы забыли, что мое второе хобби – история.

– Конечно, помню.

– Машенька, не надо с ухмылкой относиться к истории. Например, совсем немного времени назад мы восторгались компакт-дисками. Сейчас вот такой тонюсенький металлический прямоугольник содержит информации в несколько раз больше. А сколько времени прошло? А, если углубиться еще раньше. Еще пример – два года назад отметили юбилей падения тун-

гусского метеорита. А тайну его до сих пор не открыли – время не пришло. Вот так-то. Трою тоже не сразу нашли.

– Ну, это слишком рано. Я немного помоложе, поэтому про метеорит ничего сказать не могу. А вот о том, как бабахнуло в Нововоронеже, и, как мы с матерью убегали из этой зоны, помню. Так помню, что и вспоминать не охота. Ведь тогда я и отца потеряла. Ему вечно нужно было больше других.

– Машенька, но то время было такое. То отход теплых вод от европейского материка и морозы с засухой, связанные с этим, то самолетопад, который еле смогли прекратить. Сколько народу разбилось. А метеоритный дождь. Я до сих пор иногда по ночам кричу. А сколько жизней унесла наша экономическая война. Хорошо хоть гражданскую войну я не пережил. Наконец, Явлинский стал президентом, и жить стало легче. Чем мы с вами и должны воспользоваться. Так как насчет вечера вдвоем?

– Сереженька, как закончите со своими киборгами, так вместе сходим куда-нибудь и обмоем вашу удачу.

– Машенька, поверьте, что первым человеком, создавшим киборга, буду я. Если бы я был профессором со своей кафедрой, то давно бы утер нос и англичанам, и японцам, и американцам. Но я же кустарь и

– Все, все, Сереженька. Я уйду и, к сожалению, вечером я буду занята. Простите, Сереженька, но как-нибудь потом.

– Эх, Машенька, Машенька.

– Тру-ди-тесь, Серж. Пока.

Вернувшись домой, Мария Аркадьевна включила кухонный комбайн, выбрала дискетку с любимыми блюдами на ужин и, вставив ее в дископриемник, отправилась в душ. Хотя у нее на кухне и была дедовская электроплита, но она любила пользоваться микроволновым кухонным автоматом. Стоило определенной дискете попасть в жерло автомата, как умная техника, считав информация, самостоятельно обрабатывала заранее заложенные в холодильник продукты и в считанные минуты готовила пищу. Но к приходу гостей, или, когда готовила рождественского гуся, Маша всегда пользовалась дедовской техникой и, его же, чугунной гусятницей. Она все же была женщина, а, значит, хозяйка, к тому же, хоть и холостая, но в глубине души желающая найти своего принца. В молодости она была довольно красива и осознавала это. Но осознание своей красоты и сыграло с ней злую шутку. Всем, кто пытался пришвартовать свой корабль любви в ее бухте, она вежливо давала понять, что они ей не пара. Некоторые более настырные держались чуть дольше, но большинство, с чувством какой-то собственной неполноценности, уходили, и больше попыток сблизиться не делали. Так вскоре она стала, как саргассово море в океане – что-то вроде бы есть, а все обходят стороной. А красивый мускулистый и сильный так и не появился. Годы и красота уходили и, когда появился Сергей Петрович, она с тихой грустью подумала, что, очевидно, это и есть ее судьба. По настенному телевизору шло прямое включение с корабля, направлявшегося на открытую еще в девяностых годах прошлого века обитаемую планету, находящуюся в звездной системе на удалении двадцати световых лет. Она минут пять полюбовалась звездным миром под сопровождение органной музыки Баха. Вроде бы все есть, а чего-то не хватает, а от этого становится грустно.

– Может позвонить Сергею Петровичу?– Она так и не приучила себя называть его нежно Сереженькой. Что-то в ее душе или сердце сопротивлялось и не желало идти на сближение. Она набрала его домашний номер, но автоответчик сказал, что дома никого нет. Набрав номер лаборатории, наконец-то, послышалось знакомое:”Алло“.

– Сережа, вы решили больше не ночевать дома?

– Что вы, Машенька, я всегда ночую дома, так как не теряю надежду однажды услышать ваш звонок и согласие вместе поужинать.

– Вам бы все посмеяться над бедной женщиной. Я серьезно, почему вы так поздно на работе?

– И я вполне серьезно спрашиваю, что это вы так поздно звоните в пустую лабораторию?

– А, что тут странного. Я – старший лаборант. Мне за это деньги платят. Звоню узнать – нет ли кого постороннего в лаборатории.

– Конечно, конечно. Бандиты по очереди будут поднимать трубку и вам представляться.

– Ну, не совсем, конечно, так, но ...

– Вот, я вижу, что но. Так что случилось у вас, Машенька? Я могу вам чем-то помочь?

– Нет, нет. Спасибо. Просто, если честно, немного сгрустнулось. Захотелось услышать чей-то живой голос. Но уже все прошло.

– Машенька, я всегда к вашим услугам, и вы это прекрасно знаете. Я ни на что не претендую. Мне достаточно просто видеть и слышать вас. Пока. А как будет потом – проживем, увидим.

– Сережа, вы не ответили на вопрос. Так чем вы сейчас занимаетесь?

– На данный момент обрабатываю на компьютере свои торсионные лучи после медитации. Я ради спортивного интереса сфотографировал себя, свое биополе. Довольно забавные белые облачка, как языки пламени. Придете, обязательно покажу. Конечно, большой вред науке двадцатого века принесла эта бестолковая секретность и всяческие запреты. Взять хотя бы тоже клонирование. Если бы не эти профаны, то чего бы мы достигли сейчас. А ведь пришлось когда-то убеждать, что на земле уже полно клонированных людей, которых создала сама природа. Но ведь никому и в голову не приходило запрещать двойняшек. Единственный случай в этом роде был, как я помню, только во времена французских королей в описанном Дюма романе “Человек в железной маске”. Поэтому, если все это рассматривать с точки зрения дифференциальной генетической

– Стоп. Достаточно. Ничего не хочу слушать и слышать. Я, что – ненормальная и дома мне это слушать? Отойдите, пожалуйста, от всех электронагревательных приборов – вы перегреваетесь. Да и мне рано вставать. Всего доброго.

– Как?! Сейчас только...

– Да, да. Просто голова у меня что-то тяжелая.

– Съели, наверное, что-нибудь, Мария Аркадьевна.

– Хватит издеваться, Сергей. До свидания.

– До свидания, Машенька свет Аркадьевна. Утром, когда пришел на работу Сергей Петрович, все уже были на местах. Мария Аркадьевна, взглянув (равнодушно, как отметил Сергей Петрович) на него, нараспев произнесла своим нежным голосом:

– Гражданина Назарова ожидает мама у вольера со слоном.

– Как! С самого утра?

– Увы, увы, мой друг Горацио.

Бросив пакет на стол, Назаров обреченно пошел в кабинет к профессору.

– А белый халатик ей идет. – Подумал Сергей Петрович, закрывая за собой дверь, и сердце его почему-то сжалось в тревожном ожидании.

Профессор Шкатов Сергей Назарьевич был в приятельских отношениях с Сергей Петровичем, но Назаров все-таки из вежливости постучал в дверь.

– Разрешите, Сергей Назарьевич?

В кабинете у профессора сидело трое индусов с характерными элементами в одежде.

– Да, прошу вас, Сергей Петрович, проходите. Буквально два слова. Так сложились обстоятельства, что мне необходим помощник в моей командировке. Не просто помощник, но и хороший компьютерщик, и работяга, так как летим только вдвоем.

– Как летим? И далеко?

– Если по времени – нет. Если по расстоянию, то подальше. Короче, сначала в Ташкенте выгружаем аппаратуру, которую они у нас заказывали. Потом в Пекине трехдневный семинар, посвященный достижениям древних восточных цивилизаций. Оттуда, возможно, на пару дней в Калькутту. Вот, прибыли господа с интересными предложениями. Ректор заинтересован в налаживании контактов. Вопросы?

– Вы же знаете – у матросов нет вопросов.

– Тогда сегодня день на сборы. Завтра приходите пораньше, поработаем, а вечером в путь. Я пока поработаю, утрясу все административные дела.

Вернувшись в лабораторию, Сергей Петрович непривычно тихо прикрыл за собой дверь и сел за свой компьютер. Мария Аркадьевна неожиданно теплым голосом спросила:

– Что случилось, Сережа? Шеф отругал? А за что?

– Да нет. Просто срочная командировка на несколько дней.

– И далеко?

– Если на транспорте, то не очень. Если пешком, то подольше. Но на несколько дней.

– Тьфу ты, напугали. А мы уж подумали, что случилось. И дверь прикрыли, как будто в комнату с покойником вошли.

– Скажете тоже. Такие мерзавцы, как я, быстро не умирают. Запомните это, пожалуйста, Мария Аркадьевна.

Весь следующий день до обеда прошел у Сергея Петровича в сборах, упаковке аппаратуры и обычно сопровождавшей все это нервотрепке. Наконец, около шестнадцати ноль ноль, попрощавшись со всеми, Сергей Петрович уселся на заднее сидение машины рядом с профессором Шкатовым.

– С Богом, Сережа.

– Да, Сергей Назарьевич, будем надеяться, что он нас не забывает и поможет в трудную минуту. Боже! Ты слышишь? Помоги в трудную минуту!

– “А кто воззовет к Имени Моему, не оставлю вовеки”. Так написано. – Еле слышно процитировал профессор.

На аэродроме их ожидал небольшой восьмиместный реактивный самолет. Механики помогли затащить в самолет ящики с аппаратурой, и еще через полчаса прошел доклад – шасси в воздухе.

– Сергей Назарьевич, а какая необходимость проводить эту конференцию?

– Хм, Петрович, мы же должны делиться информацией, обобщать и анализировать накопленный опыт. Без этого не возможен прогресс. Особенно толково это объяснил в своих трудах еще господин Энгельс, который Фридрих. И, наконец, это просто интересно само по себе.

– С Китаем понятно, а в Индию зачем?

– Я так понимаю, что пришла пора проанализировать и подвести итоги последнего энергетического скачка. Это период с конца семидесятых прошлого века и по две тысячи пятый, шестой года. Вы ведь помните, что еще в тридцатых годах прошлого века была почти доказана цикличность, периодичность развития Вселенной и, в частности, всех процессов на Земле. Конечно, жаль, что вмешался товарищ Сталин и расстрелял почти всех ученых и интеллигенцию. Все процессы, начиная от конца света, и, кончая такими энергетическими всплесками, отлично входят в концессию цикличности развития.

– Помню, читал. Вот только согласно какой периодичности я-то лечу. У меня на столе неоконченный труд, опыты.

– Неделя ничего не решит. По сравнению с вечностью неделя ничто. Лучше отсыпайтесь, а то у вас вид, будто неделю не спал.

– Тоже верно. Солдат спит, а служба идет. – Накрывшись пледами, Сергей Петрович с Сергеем Назарьевичем задремали.

Сергей Петрович проснулся от того, что самолет резко накренился вправо, и он больно ударился о пластик иллюминатора.

– Черт знает что! Понабирают салаг и мучайся с ними, летай. – Поглядев в окно иллюминатора, Назаров увидел, что двигатель с его стороны объят пламенем. Порывами ветра сносило хлопья пены, очевидно, включилась противопожарная система, но сбить пламя не получалось. Двигатель не работал.

– Уже подлетаем? На посадку идем? – спросил сонный Сергей Назарьевич.

– Хуже. По-моему, мы потихоньку падаем. Но вы спите. Это лучше принять во сне. Нервы не так сильно портятся.

Сергей Назарьевич посмотрел в окно Назарова, побледнел, но ничего не сказал, только резко оглянулся и посмотрел на работающий двигатель со своей стороны. – Это судьба. – еле слышно произнес он. Опытный экипаж боролся за жизнь самолета и свою жизнь. Только их мастерство не давало самолету возможность сорваться в “штопор”, и огненным смерчем устремиться к земле. На высоте около километра горящий двигатель вдруг заработал. Самолет было взмыл вверх, но тут же, во внезапно наступившей тишине, почему-то перевернулся вокруг своей оси и, сначала очень медленно, а потом все быстрее и быстрее понесся к земле. Тянь-Шаньские горы, укрытые вечными снегами, молча приняли эту кучу металла. Пилотская кабина, зацепившись о выступ скалы, отскочила вместе с несколькими креслами пассажирского салона. Не пристегнутый ремнем безопасности Сергей Петрович с криком вылетел из утробы самолета. От удара самолет повернулся и хвостовой частью ударился об землю. Постояв так несколько секунд, под порывом ветра завалился на бок и скользнул в глубокое ущелье. Раздался взрыв. Над ущельем поднялось черное облако, но оно вскоре растворилось под громадой хлынувшего в ущелье снега, сорванного взрывом со склона горы. Падая, экипаж успел нажать на кнопку включения автомата “SOS” – мэй дэй. На ближайшем аэродроме сигнал был принят и переадресован на космический спутник. Спутник сфотографировал указанный район и передал изображение в центр. На снимке ни самолета, ни пожарищ видно не было. Сверившись с расписанием полетов, вычислили, что пропал русский легкий самолет. Ни один из ближайших аэродромов не подтвердил аварийной посадки. Необходимо было организовывать планомерные поиски. Легко сказать, а как это сделать на огромном непроходимом горном массиве, именуемом Тянь-Шань, даже, если есть примерный маршрут полета.

+ + +

Намного раньше примерно в пятидесяти километрах от будущего падения российского самолета на полевом аэродроме, оборудованном посередине небольшого горного плато, приземлился легкий самолет с египетскими опознавательными знаками. Открылась дверца и оттуда вылетел увесистый вещевой мешок, упакованный пуховый спальный мешок и, наконец, показался сухощавый лет сорока мужчина с длинной коробкой из пластика в руках. Отойдя шагов на десять от самолета, с удовольствием потянулся после долгого перелета, повернулся к пилоту лицом и махнул рукой, давая добро на взлет. После небольшой пробежки самолет взмыл в небо и вскоре исчез из виду среди заснеженных вершин. Поплевав на ладони, мужчина с усилием закинул вещмешок за спину, подобрал спальный мешок и тронулся в путь. То ли по злему умыслу, то ли случайно, но и этого путника тоже звали Сергеем. Сергей Соловьев, но так его не называли уже с тысяча девятьсот девяносто седьмого года, когда его, оглушенного воина – десантника, захватили в плен чеченцы во время печально известной необъявленной чеченской войны в России. Умирать он не хотел, но чувство гордости имел, поэтому, когда его со связанными за спиной руками, начали оскорблять и пару раз дали “по морде лица”, он сшиб обидчика с ног, продемонстрировав на нем удар “хвоста Дракона”.

– Ну, что! Крутой! Да! – раскричался конвоир, но близко подходить уже боялся, – сейчас Шамиль отработает тебя! – чеченец сбегал в караулку и вскоре вышел оттуда с высоким крепышом. Они подошли вплотную к Сергею.

- Я – командир Шамиль, а ты кто?
- Сергей Соловьев, а остальное тебе – засранцу знать не обязательно.
- Пусть будет так. Пока. Мне сказали, что ты крутой. Чем занимался?
- В шашки играл.
- Это тоже спорт. Может, разомнемся во дворе?
- А, если нет?
- Значит, просто шлепнут, а голову подкинут вашим, чтобы знали, что их ждет.
- А, если соглашусь?
- Живот вспарывать, как остальным, не будут. Просто пристрелят и голову отрезать не будут. Умрешь, как воин. Судя по тельнику и эмблемам – ты десантник.
- Где служил?
- О, долгая история. Это еще в СССР было. В Уссурийске, в спецназе.
- Знаю. На соревнованиях по рукопашке встречался с ними.
- Так я там некоторое время инструктором был.
- Добро. Я согласен. Пошли.

Чеченец повернулся к конвоиру и что-то сказал на своем языке. Конвоир развязал руки Сергею.

- Бежать бесполезно. Разомни руки. Вижу, все затекли после веревок. Я выйду. Минут через пятнадцать начнем.

Сергея завели за дом, где находилась небольшая лужайка, покрытая ровно подстриженной газонной травой.

- Хоть и не на шашлык позвал, но и умирать со вспоротым животом не хочу. Рыпаться бесполезно. Все со стволами. Убью хоть одного. Инструктор хренов. Меня тоже не свечкой делали. Посмотрим еще кто кого, чей учитель лучше.

Посмотреть схватку собралось человек двадцать из отряда Шамиля. Бой начался, как обычно, с разведки боем. Обменялись традиционными мае и йоко-гере.

- Скорее всего у-шу. Реакция отличная. Техника – тоже. – Подумал Сергей. – Мягко говоря, он не хуже меня. Но у меня преимущество – на кону моя жизнь. Программа минимум: сломать что-нибудь или выбить глаз. Программа максимум: воспользовавшись паузой, сломать позвоночник или убить каким-нибудь другим способом.

Приглядевшись друг к другу, они перешли к более жесткой схватке, используя различные сюрпризы и коронные удары своих школ. Оба противника хорошо переносили удары и то, что их временами отбрасывало назад на несколько метров, особо не печалило. Получив серию хороших ударов по корпусу, Сергей решил провести один из своих любимых приемов: сначала ложный выпад рукой, потом поворот на сто восемьдесят градусов и удар пяткой правой ноги в правое ухо противника. Но для Шамиля это не оказалось неожиданностью. Он слегка присел и подбил левую ногу Сергея. Сергей очухался, когда уже лежал на спине, а Шамиль, зажав коленями его предплечья, занес правый кулак для последнего удара. Секунды бежали, а смертоносный кулак все не опускался. Каждая секунда для Сергея казалась вечностью. Потом он сообразил, что над ним просто издеваются и унижают. Он решил выразить свое презрение единственным доступным ему способом – попытался презрительно улыбнуться. Неизвестно, как это у него получилось, но страшно ему было сильно. Шамиль неожиданно опустил руку, сделал боковой кувырок и, отскочив на пару метров, поднялся.

- А ты молодец. С тебя толк будет. А теперь слушай сюда и внимательно. Жить вашим до заката. Выбирай: или с ними за компанию, или будешь моих ребят тренировать.

- Чтобы они потом моих ребят давили.

- И так может быть. Но я твоих друзей в гости не звал, вином не угощал.

Сергей ничего не ответил, так как два чувства билось внутри него. Насколько живуч инстинкт самосохранения, но именно в эту секунду чувство долга и совесть чуть-чуть были

выше. Если бы прямо сейчас всех вывели на расстрел, то он бы умер, глядя в глаза палачам. Но время играло не в пользу патриотизма и дружбы к малознакомым временным сокамерникам здесь и каким-то абстрактным людям далеко где-то там.

– Хорошо. Иди, подумай. Как солнце опустится до тех холмов, я приду за ответом.

На этот раз Сергею связали руки, ноги, а потом стянули между собой узлы на руках и ногах. И, так как идти сам он уже не мог, то двое из отряда, просунув шест между веревок, как кабана после удачной охоты, отнесли в сарай. Там ему помогли закатиться в уголок на кучку прелой соломы. Когда солнце опустилось и коснулось вершин гор, в сарай вошли двое автоматчиков. Они, как хозяева, огляделись, перебросились парой фраз на своем языке и не спеша, явно замедляя свои движения, сняли с плеч свои АКМы и передернули затворы. Потом один из них произнес какую-то фразу, где прозвучало Аллах, а потом уже по-русски добавил – Да подохните вы – русские свиньи. Два автоматных ствола, как две головы Змея-Горыныча, стали извергать из себя смертоносный огонь. В сарае закричали. Закричал и Сергей. Он не просто кричал, он орал во всю глотку. Ему хотелось спрятаться от этого ужаса, от страха смерти за своим криком. Ему дико хотелось жить. Стрелять начали с противоположного конца и чередой извивающихся в тщетной попытке спастись и затихающих в смертной агонии людей, таких же молодых и сильных, как и он сам, приближалась все ближе и ближе к нему. И чем ближе к нему это происходило, тем страшнее ему было. Разбуженная диафрагма давила ему на легкие и мешала набирать воздух для крика. Его крик перешел уже на сипение, в глазах появились красные круги. Вот-вот еще одна секунда и все. Но тут случился удивительный случай, когда время остановилось. Сергей ждал, когда же первые пули начнут разрывать его кожу, чтобы ядовитыми змеями ворваться в его молодое тело. Секунда растянулась в минуту, потом в пять минут. Когда он смог что-то соображать, то увидел, что из живых в сарае только он один. Уход палачей он не увидел, зато вскоре опять слышались шаги.

– Наверное, хотят проверить, всех ли убили, и добить раненых. Но куда же спрятаться? Может закопаться в сено?

Но закопаться он не успел. В сарай вошел Шамиль. Равнодушно оглядев трупы, он подошел к Сергею и опустился на одно колено.

– Ну, что скажешь?

– Да. – Выдохнул Сергей.

– Хорошо. Я пришлю тебе свой спортивный костюм. Помойся во дворе и переоденься. Штаны лучше выброси, иначе они будут все время напоминать тебе о твоей ... – он не договорил и вышел.

– Да, я трус. Но ведь мне было страшно. Мне было очень страшно. Я иногда мысленно представлял себе это, но мне и в голову не могло придти, что это так страшно. А как же в Отечественную женщины и дети сами копали себе могилы и потом их расстреливали? Надо быть быдлом, бараном, чтобы спокойно принимать свою смерть. Я не такой. Я не трус. Нет. Просто я не быдло, как они, не баран на заклании. Я человек! Я хочу жить! Жить! Это все они. Они. Я хочу жить! – дальше и дольше Сергей говорить уже не мог. Слезы заливали его рот. Уткнувшись головой в солому, он зарыдал. Вместе со слезами у него потихоньку вышла резкая боль перенесенного унижения и страха. Он перевернулся на спину и попытался встать. Почти сразу в сарай вошли двое, молча развязали веревку и, бросив рядом с ним адидасовский костюм, вышли. Сергей понял, что все это время они стояли за воротами и все слышали. С одной стороны он был им благодарен, что они вроде бы как не присутствовали при том, что сейчас с ним произошло, но они же все равно все слышали. Его сердце загорелось жестокой ненавистью к конкретно к этим двоим, вообще ко всем чеченцам, вообще ко всем живым и к тем, кто еще теплый, но, как говорят, уже вечно молодой, лежали рядом с ним. У него промелькнула мысль, что уж лучше бы и он лежал среди них, но мысль всколыхнула его и ударила по нервам. Нет! – воскликнуло его тело и загнало ее в самые потаенные уголки. Набрав воды, Сергей помылся

во дворе, а брюки и тельник утопил, просунув их через “очко” общественного сортира. У него вновь промелькнула мысль – к чему у него больше брезгливости: к его обгаженным от страха штанам или к самому себе? Но теперь он принял ее спокойно, почти равнодушно, и отправил догонять первую крамольную и очень страшную для него мысль. В комнату Сергей вошел уже другим человеком. Точнее сказать, что вошел уже не человек, а биоробот, зомби, машина, способная только убивать и мучить. Все доброе и человеческое было расстреляно в сарае.

– Сергей, а ты поседел.

Сергей подошел к зеркалу. Взъерошил свои пепельно-белые волосы и посмотрел в глаза своему второму я, смотревшему на него из зеркала. В глазах его была только ненависть к себе, ненависть ко всем людям. Ответив матерным словом, Сергей подсел к столу и налил себе полный стакан водки.

– Ты лучше не закусывай, тогда быстрее вдарит.– Посоветовал ему Шамиль.

Дни потекли медленной текучей горькой рекой. Зверая на тренировках, он буквально дрессировал своих учеников. Выпускники школы “снежного барса”, как стали теперь называть Сергея, смело вступали в поединок с пятью – восемью бойцами и относительно легко их побеждали. Вскоре о Барсе услышали и те, кто особо нуждался в таких людях. Как-то вечером к Барсу подошел европейского типа человек.

– Майкл. Специальный агент ЦРУ. Сергей, я хотел бы поговорить с вами и сделать вам, на мой взгляд, интересное предложение.

– Не называй меня Сергеем. Ты понял! Забудь!

– О’кей, о’ кей. Но предложение все равно в силе. Ты, возможно, слышал о Владимире и Ильиче. Нет, нет, не о Владимире Ильиче, который, как известно, и сейчас живет всех живых. Нет. Я имею в виду не вашего когда-то великого вождя. Хотя, надо отдать должное, он был действительно великим, как например, наш Джордж Вашингтон или Бонапарт Наполеон. Я имею в виду братьев Владимира и Ильича. В основном – Ильича. Сыночка одного довольно уважаемого законопослушного джентльмена. Ильич известен всему миру, как террорист международного масштаба. К сожалению, его обложили со всех сторон, и, я думаю, дни его сочтены. О чем я весьма сожалею, так как в его группе подобрались чудесные профессионалы, да и он сам достоин восхищения. Ни одна звезда Голливуда не справится с ним в искусстве перевоплощения. Но в каждом стаде есть паршивая овца, и эти овцы хотят отдать под суд Ильича. Мне нужен человек, который не требует слишком долгого обучения, и, который мог бы со временем иногда ликвидировать одну – две таких овец. Естественно, за довольно солидное вознаграждение. Профессионал такого класса дорого стоит.

– Дорого стоит, да недолго живет. – А про “себя” подумал, – овцы. А я разве не такая же овца и не так же связанный лежал в сарае? Только теперь я бодаться научился! Да, теперь я не овца, я –барс! Теперь я сам буду им всем глотки рвать. – Последние фразы, похоже, он произвольно произнес вслух.

– Ну, Барс ...

– Тихо. Не вешай лапшу на уши. Я согласен. Одно условие – увези меня скорее отсюда. Ты понял?! Завтра же! Нет, не завтра – сегодня! И мне плевать, что ты будешь делать. Я все сказал.

Этой же ночью на вертолете незнакомой марки с полозьями вместо колес шасси, Серж улетел на одну из баз в Афганистане. Через неделю он был уже в Ганновере и еще через некоторое время его привезли в поместье километров в тридцати – сорока от Бонна с новым паспортом американца немецкого происхождения на имя Отто Мюллера. На его вопрос, что он ни бум-бум по-немецки, его успокоили – не волнуйся, подучишься немного и уедешь за моря, за леса, где ждет тебя работа и райская жизнь. Отцы-командиры в красной армии натаскали его хорошо, поэтому учиться ему было сравнительно легко. Получил специализацию по радиоуправляемым минам. А специалист по рукопашке был примерно такого же уровня, как и он

сам. Время, проведенное в этой школе, было для него самым светлым и приятным пятном на всей его темно-серой жизни. Вскоре после ареста Ильича его перебросили через океан, и он приступил к работе. Он был невидимкой, потому что плоды его работы пожинали другие организации и группировки, которые звонили в полицию и брали на себя ответственность за данный теракт. Иногда, в основном, когда приходилось ликвидировать агентов ЦРУ, ФБР или госчиновников, уходил по-английски, не попрощавшись, просто убивая или имитируя несчастный случай. Он знал, что его всегда прикроют. Сергей убивал издалека, его руки не пачкались алой кровью, поэтому он считал, что его руки чистые, относительно, конечно. Это позволяло ему не заикливаться на чьих-то жизнях. А хорошая оплата работы, и периодические “состязания” на выживание и кто хитрее, вносили, на его взгляд, чувство романтики и приключений. Но однажды к нему на квартиру в английском городе Йорке, где он жил под легендой коммивояжера, пришел Майк.

– Привет, Барсик.

– Майкл! Опять работа.

– Хуже. – Майкл помял подбородок правой рукой, потом почесал щеку. – На нашей работе нельзя привыкать. Ни к напарнику, ни к женщине. Я привязался к тебе. Так уж получилось. Поэтому я здесь. Подставили одного наркобарона и он раскололся. Кое-кому пришлось сдать несколько карт – ты одна из них. Тебя арестуют или, скорее всего, просто зачистят. Я сильно рискую. Сам понимаешь, что вычислить меня, как два пальца в дермо засунуть.

– У нас так не говорят.

– Неважно. Я всегда путаю русские поговорки. У тебя еще четыре минуты. Ровно в двадцать минут мимо твоего дома проедет белый мерседес. Ты садишься и уезжаешь. Остальное тебе расскажут. Здесь должно остаться впечатление, что ты вышел на пять минут. Это поможет выиграть время. Надеюсь, тебе повезет больше.

– Спасибо, Майкл. Ты был мне, как брат.

– Я знаю. Пока. Надеюсь, еще встретимся.

– Обязательно.

Так Сергей оказался, в конце концов, на частном самолете, который высадил его неподалеку от секретной базы по подготовке террористов. Была хорошая погода. Сквозь темные очки было приятно смотреть на искрящийся на солнце снег. Сергей был здоров, возможно, счастлив. У него была цель, хотя и близкая. О будущем он не думал – верил в судьбу. Он верил в судьбу и шел туда, куда она его вела. Почти неделя одиночного путешествия подействовала на него, как он и предполагал, успокоительно. Серые камни, зеленая трава пастбищ, белое безмолвие снежных перевалов ломали и крошили его замкнутость и озлобленность. Заботливая память убрала в самые дальние свои закутки воспоминания о кровавых разборках, взорванных автомобилях и магазинах. Но зато все чаще и чаще он вспоминал свою жизнь “До”. Верные друзья, с которыми и покутили, и покуралесили вволю, друзья – подружки и девчонка, которую его мать называла невестой. В тот день он удобно устроился на вещмешке, крутанул днище банки с супом. Через несколько секунд, в результате начавшейся химической реакции, банка стала нагреваться. Сергей нежно перекачивал теплый металл между ладонями, согревая озябшие руки. Стих порыв ветра, и в этой тишине вдруг раздался сильный грохот, подобный сильному камнепаду. Пауза. Шум. Взрыв. Шум снежной лавины. Сергей обернулся, но из-за небольшой скалы ничего видно не было.

– А мне это надо? – сначала подумал он, но вскоре в сердцах плюнул на снег, загреб одной рукой все свои пожитки и, попивая на ходу свой супчик, пошел в сторону взрыва. Дошел до расщелины со следами недавно сошедшей лавины. Ничего и никого! Он еще раз сплюнул, смял руками тонкую фольгу из-под супа и бросил ее в расщелину. Потом тщательно упаковался сам и побрел прочь, сверяя свою дорогу по компасу. Отойдя метров на восемьсот, Сергей явственно услышал:

– Эй, друг. – это был не крик, а скорее шепот. Сергей остановился, как вкопанный. Здесь среди Тянь-Шаньских гор, в этой глухомани кто-то зовет его, да еще и на русском языке. – Бред какой-то. Крыша поехала от одиночества. Только этого мне и не хватало. Шизанул, а до ближайшей психушки всего две тысячи километров.

Сергей почему-то сразу признал себя душевнобольным, но с надеждой стал озираться вокруг. Никого. Но, когда его голова вернулась в положенное ей природой положение, он вдруг увидел невдалеке от себя торчащую из-под снега человеческую руку. У него сразу глыба упала с души.

– Здоров! Здоров! Иду, голубчик, иду.

Со стороны это было довольно интересное зрелище: среди относительно ровного снега одиноко торчала рука, как одинокая пальма в пустыне. Для полноты сходства небольшие часы на сгибе кисти можно было принять за гроздь кокосов. Сергей осторожно потянул за руку и вскоре в снегу сидел мужчина, одетый в рубашку с оторванным нагрудным карманом. Из уголка кармана торчала смятая бумажка. Сергей расправил ее. Довольно сносно можно было прочитать: “Пропуск. Сектор А. этажи 1,2,3. Назаров Сергей Петрович. Ст. лаборант”.

+ + +

Я проснулся, а, вернее, очнулся от того, что солнечный “зайчик” приятно щекотал мне нос. Где-то за окном успокаивающе шелестела листва. Почему-то мне показалось, что я прилетел домой в отпуск, и я нежусь в отцовской постели, которую он мне всегда уступал на время моего отпуска. Я лежал и наслаждался минутами истинного счастья. Но потом, как гром среди ясного неба, я услышал прокуренный еще хлеще, чем у меня, голос

– Шакалы, ширяем наркоту какой-то падали. За эти бабки можно было уже всю эту гостиницу хреновую купить.

– Не шелести. У тебя зеленых в Швейцарии еще больше, чем у меня.

– Зато у тебя здесь на сотню баксов больше выходит!

– А отказников ты на волнорез возишь? Если копы меня за задницу возьмут с грузом в багажнике, ты думаешь, меня наши же в камере не придушат?! Так что сиди и заткни свою вонючую пасть!

– Да, ладно тебе. Чего завелся. Сейчас последний укол ширну и баста. Оттянемся трошки в баре.

Я слегка приоткрыл глаза. Сначала мелькнула тень, а потом ко мне подошел уже знакомый неприметный мужичек со шприцем в руке. Я механически схватил его за кисть со шприцем, а пальцами другой руки сильно ткнул в кадык. Он захрипел от боли, глаза вылезли из своих орбит. Резко крутанувшись на спине, я со всех сил толкнул его ногами. Припечатавшись к стене, он плавно осел на пол. Пока второй соображал, что случилось, я вскочил и судорожно начал искать глазами какой-нибудь скальпель или что-нибудь режущее. Но я был не в операционной, а в гостиничном номере, поэтому кроме оставшегося в руках шприца у меня ничего не было. Наконец, толстяк просканировал ситуацию и бросился на меня. Со всего маху он обнял меня руками и вместе с собой впечатал в стену. Под его рубашкой явно чувствовались литые мускулы.

– За нос его укусить что ли?– непроизвольно подумал я, но сам, насколько позволял его захват, сильно вогнал иглу шприца куда-то в бок. Когда он осознал, что произошло, то расцепил руки, очевидно, чтобы ударить меня. Но тут я сам обхватил его руками и мы, как братья-неваляшки, стали топтаться от стены к стене. Вскоре наркотик сделал свое дело, и он расслабился. Ему стало хорошо, и его оставалось только положить на диванчик. Бежать! Дернула же меня нечистая смутья через окно. Наслушался анекдотов про неудачников – любовников и сам рванул на балкон. Всегда ведь уходил только через дверь, а тут на тебе – на балкон. Выскакиваю на этот балкон. О! Что я вижу! Вокруг высоченные пальмы, море, пляж, вдали

белоснежные лайнеры и яхты. Прямо, как в том мультике, где спрашивают: “И откуда в Воронеже взялись африканские улицы?”. Но я был не котенок с улицы Лизюкова. Крым я видел только по телевизору, а американских туристов, что лопотали внизу, я видел и в Москве. Третий этаж. Высоко. Деревья далеко. Оставался только один выход, он же и вход, – это дверь, но, очевидно, от судьбы не убежишь, и мне предстояло испытать еще что-то. В дверях я столкнулся с близняшками под метр девяносто и весом под сотню каждый. Они молча, как бульдозер кучу мусора, втиснули меня обратно в номер. Промелькнула мысль – сигануть с балкона, так как садиться на иглу я не собирался, а для чего еще им я мог понадобиться, понятия не имел, так как никакими государственными тайнами, кроме одной, что зарплату не платят уже третий месяц, не владел. Но тут же один из братишек меня схватил за руку. Ощувив его хватку, я понял, что мне хана. Но, в то же время, меня одолело чувство черной зависти – такие молодые стройные симпатичные качки с железной хваткой. Не то, что я, который каждый день твердо решает – все, с завтрашнего дня начинаю качаться. И так каждый день. Лень человеческая сродни алкоголизму. Так же решает бросить, но не тут-то было. На лице одного из них мелькнула улыбка и он произнес:

– На счет этого не расстраивайся. Наша сила здесь – это не наша заслуга.

– Они читают мысли! – Подумал я.

– И-мен-но, – по слогам сказал он, – поэтому не то что бежать, а даже думать об этом забудь.

– По крайней мере, в вашем присутствии. – Опять подумал я.

– А мы с тобой теперь долго расставаться не будем. – Успокоил он меня.

– Очень приятно. – Механически ответил я и тут же подумал о глупости сказанного.

– Не расстраивайся. Постарайся смириться и останешься жить. И жить неплохо.

– Но почему я?! Почему именно меня надо было тащить сюда в Крым или где еще!

– Да это не Крым. – Теперь улыбались они оба. – Ты, что не слышишь, какая речь доносится с улицы? Нам кажется, что это американский.

Я прислушался. Сквозь обычный гул улицы явно слышались, в основном, детские голоса. Но говорили они, действительно, на английском.

– Нет, это не туристы. Их слишком много для туристов.

– Так я в

– Да, да, да. Теперь ты понимаешь, что это серьезнее, чем ты думаешь?

– Теперь мне понятно, почему мне приснилось, что я на самолете прилетел.

– Конечно, это наш хорошо отработанный канал.

– И, все равно, я не пойму, зачем я вам понадобился? Если разобрать меня на запчасти, то дешевле здесь найти бродягу.

– Нет, молодой человек. Вот вам зеркальце. Смотрите – под мочкой уха у тебя родинка и далее вниз. На что похоже?

– На ковш Большой Медведицы. Я это давно знаю. Моя сестра это заметила, когда я еще маленький был, в школу ходил.

– Теперь отложим семь отрезков и найдем Полярную звезду, а она ...

– Правильно. Под усами. На верхней губе.

– Аб-со-лют-но верно. Именно из-за нее вы здесь.

– Маразм какой-то.

– Согласен. Но это на первый взгляд. Мы следим за вами, можно сказать, с детства. Только получив кое-какие подтверждения, что вы именно вы, как вы внезапно для нас уехали за границу. Пока нашли вас прошло время. За это время мы сопроводили сюда еще троих подобных вам. К сожалению, двоих пришлось пустить на дно. Следовательно, один напарник ожидает вас. Осталось решить вопрос еще с двумя. Последними. Но они еще на воле. Пока.

– Если это не дикая шутка миллионера, то вы намекаете на какое-то мое отношение к этой звезде.

– Если точнее, то к одной из планет рядом с ней. Кстати, обитаемой.

– Вы хотите сказать, что и вы тоже не отсюда? Вы, что – роботы?

– Нет, ни в коем случае. Мы – это другая страничка в нашей книге.

– Клонированные?

– Нет. Просто мы вам кажемся похожими. Когда белокожие впервые видят негров, они им тоже сначала кажутся на одно лицо.

– По внешнему виду вы напоминаете аримасков.

– Спасибо за комплимент.

– Но... Но ведь ваша раса доброжелательно относится к землянам!

– Логично и правильно. Но в каждом правиле есть что? Правильно – исключение. У вас, землян, тоже ведь есть исключения – и маньяки, и людоеды.

– Согласен. Тогда получается, что вы работаете на хозяина. Батрачите за кусок хлеба.

– А вот обижать нас не надо. Пока не за что.

– Да, если не считать такого пустяка, как похищение. А у меня семья, детишки малые.

– Знаем. В каждой работе свои издержки.

– Тогда не надо имитировать передо мною свою добродетель.

– Если надеешься вывести нас из себя, то бесполезно.

– Для гуманоида ты соображаешь неплохо.

– Я же просил ...

– Но, если вы, падлы, меня на иглу посадили, то можешь прочесть мои мысли. Это только начало полета моей фантазии. Результат будет еще хуже.

– На счет полета фантазии нас не касается, а полетать тебе придется. Здесь ты угадал. – в его зрачке промелькнуло что-то неуловимое, как черная кошка в темной комнате. В моей голове слегка зашумело, как после фужера хорошего французского шампанского. Потом ощущения сменились. Теперь я стал ихтиандром в каком-то яблочном киселе. Голова работала ясно, но мое тело подчинялось только их командам. Они сделали мне укол, одели и повели вниз. Внизу нас ожидала длинная “крутая” машина, может даже ролс-ройс. При посадке на самолет у меня в руках невеста откуда появилась гордость нынешней Российской державы – головастый и крыластый заграничный российский паспорт. Девушка развернула его, сличила фото с оригиналом. Слегка скривила губы. Не надо быть переводчиком, чтобы понять, что она обозвала меня русским туристом. Повернула голову к полицейскому и довольно сносно сказала:

– Алексей Шетинин.

Я хотел ее поправить, что правильно будет Щетинин, но не смог. В самолете я отключился. Опять включился уже сидя в джипе. Я оглянулся назад. Небоскребы огромного города остались позади нас.

– Что за город? – произнес я через силу.

– Лас-Вегас.

Я на всякий случай сориентировался и решил запоминать дорогу. Ехали на север по какому-то шоссе номер девяносто три.

– А это что за городок?

– Эш-Спрингс. Спрашивать можешь, но побег выкинь из головы.

– Тогда скажите, куда мы едем. Все-таки не корову на бойню везете.

– О’кей. Едем до перевала. Здесь его называют Хэнкок, спустимся в долину по имени Тиккабу и дальше вдоль зоны.

– Зона – это в смысле тюрьма?

– Отчасти, но очень большая. Тридцать пять на сорок километров. Она находится за горками. Вечно забываю, как это у вас правильно называют – хребтами, цепями. Точно – горными цепями Грум-Маунтинс и Джамблид-Хиллс. Увидишь еще ориентир – указатель “29,5 миль”. Потом дорога через пустыню до сухого озера Грум-Лейк. И считай ты на базе. Но попадать туда не советую.

Ехали долго. Иногда съезжали с шоссе и ехали полем, потом опять выходили на шоссе. Чувство опьянения и холодного киселя почти прошло. Но пришла другая проблема – надо было сбегать в кусты. Дорога была узкая и кусты все просматривались почти насквозь.

– Послушайте, я не знаю, где у вас находится душа, но по некоторым данным она у человека находится под мочевым пузырем. Сильно давит на нее, надо отлить.

Машина проскочила указатель, на котором было написано “EXTRATERREST...”, внизу – “HIGHWAY” № 375 и нарисован какой-то реактивный самолет. Проехав метров пятьдесят, остановились возле кучки деревьев. Там я еще раз убедился, где находится душа. Облегченный, я поехал дальше.

– Может, перекусим? У нас даже в тюрьме вовремя похлебку дают.

– Сейчас Рэйчел будет.

– Это что?

– Городишко.

– О’кей.

Действительно этот городишко находится у шоссе триста семьдесят пять. У въезда – рекламный щит “Добро пожаловать, земляне!”. По крайней мере я так его перевел.

– Странное приветствие.

– Почему? Ты что не видел, по какому шоссе мы ехали?

– Не успел прочитать. А что пишут?

– шоссе Инопланетян.

– Да! А, ну, конечно, конечно. Я сошла с ума. Какая досада. Но ничего. Вылечат. И меня вылечат, и вас вылечат. У нас медицина на высоте. По крайней мере, так говорят классики российской комедии.

– Конечно, вылечат. Если успеют.

– Вот этого я и боюсь.

Тем не менее, мы вскоре подъехали к рекламному щиту бара, где было написано: “ 40 miles. LITTLE A’LE’INN. RACHEL,NEV. BAR-CAF;. ROOMS-RUS”.

– Понятно. НЕВ – это что? Штат Невада?

– Естественно.

– Значит, слева от нас – Калифорния, Сан-Франциско? Город моей мечты.

– Мечта твоя голубая, так как голубая мечта не сбывается.

– Как знать. Как знать. Что бар и комнаты – ясно. Только я знаю надпись АЛЯЙН – инопланетянин, а здесь как-то не так написано.

– Игра слов: “маленький пивбар” или “маленький инопланетянин”.

– Век живи, век учись. А для чего? Чтобы тебя под конец жизни зачифанили жмурики?

– Не торопись. Всему свое время.

– Меня съедят?!

– Я имел ввиду другое. Просто слово чифанить пришло к вам из Китая.

– Я знаю.

– А мне приятнее слышать это слово на родном языке, а не на твоём диалекте.

– Ближе к телу, как говорил Мопассан. Как насчет того, чтобы поесть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.